

Научная статья / Research Article

УДК 343.98+159.98

DOI: 10.14258/SSI(2022)3-08

Судебная и криминалистическая психодиагностика: профилирование, верификация и использование полиграфа

Раиса Ивановна Хотеева¹,
Мариям Равильевна Арпентьева²

¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия, khoteeva@ya.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4580-7241>

² Экспертное бюро судебной психофизиологии и поведенческого анализа, Центр информационной безопасности, Калуга, Россия, mariam_rav@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

Аннотация. Вопросы применения нетрадиционных методов криминалистического исследования привлекают внимание как правоприменителей-практиков, так и теоретиков криминалистики и юриспруденции, а также многих специалистов смежных специальностей, в том числе медиков, психологов, биологов, программистов и представителей других наук. Понятие «нетрадиционные методы раскрытия преступлений» появилось в 80–90-х гг. XX в. и интегрировало методики и подходы прикладной психологии, психодиагностики и психофизиологии человека. Хотя мировая практика использования психологических и психофизиологических методов, подходов и технологий насчитывает более полувека, максимальную популярность данные методики и устройства, программы и технологии приобретают в настоящее время. Верификация и профайлинг — два наиболее интересных и тесно связанных друг с другом современных направления психологической криминалистики как науки психологического исследования события преступления и его участников (по «идеальным» и материальным следам преступления). Они являются важными частями современной судебно-психологической экспертизы. Обе эти части реализуются в практике работы следователей/криминалистов и судей с помощью как неинструментальных (собственно экспертных), так и инструментальных (полиграф и т.п.) психологических методов и методик. Проблемами современной психологической криминалистики, однако, выступают не сами по себе устройства и методики, их разработка, которая, несомненно, обогащает и криминалистику, и психодиагностику в целом, но то, что результаты исследований и практических разработок в этой сфере могут быть неправомерно расширены на другие области, в том числе в процессе гиперсекьюритизации, а также в том, что не всегда достоверные и прозрачные выводы эксперта и/или оборудования, создаваемого и применяемого людьми, полагающими себя экспертами, включая статистические методы, реализуемые цифровыми устройствами, могут быть использованы в коррумпированном сообществе, в собственных целях, против людей. Возникновение конфликта интересов тем вероят-

нее, чем менее обоснованы и прозрачны процедуры методики и алгоритмы верификации и профилирования и чем более правоохранительная система страны направлена на игнорирование потребностей сообщества в пользу интересов бюрократического монолита. И уже потом можно и нужно решать вопросы совершенствования программ и техник профилирования и верификации: на сегодняшний день существующие подходы и устройства дают достаточно высокие показатели достоверности, но далеко не всегда.

Ключевые слова: юридическая практика, судебно-психологическая экспертиза, профайлинг, верификация, полиграф, гиперсекьюритизация, коррупция, конфликт интересов

Для цитирования: Хотеева Р.И., Арпентьева М.Р. Судебная и криминалистическая психодиагностика: профилирование, верификация и использование полиграфа // Society and Security Insights. 2022. Т. 5, № 3. С. 118–137. doi: 10.14258/ssi(2022)3-08.

Judicial and Criminalistic Psychological Diagnostics: Profiling, Verification and Use of the Polygraph

Raisa I. Khoteeva¹,

Mariam R. Arpentieva²

¹ K.E. Tsiolkovskiy Kaluga State University, Kaluga, Russia,
khoteeva@ya.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4580-7241>

² Expert Bureau of Forensic Psychophysiology and Behavioral Analysis, Center for Information Security Kaluga, Russia,
mariam_rav@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

Abstract. The issues of using non-traditional methods of forensic research attract the attention of both practitioners and theorists of forensic science and jurisprudence, as well as many specialists in related specialties, including doctors, psychologists, biologists, programmers and representatives of other sciences. The concept of “non-traditional methods of solving crimes” appeared in the 80-90s of the XX century and integrated the methods and approaches of applied psychology, psychodiagnostics and human psychophysiology. Although the world practice of using psychological and psychophysiological methods, approaches and technologies has more than half a century, these methods and devices, programs and technologies are gaining maximum popularity at the present time. Verification and profiling are two of the most interesting and closely related modern areas of psychological forensics as a science of psychological investigation of the event of a crime and its participants (according to the “ideal” and material traces of a crime). They are important parts of modern forensic psychology. Both of these parts are implemented in the practice of investigators / forensic scientists and judges both with the help of non-instrumental (expert) and instrumental (polygraph, etc.) psychological methods and techniques. The problems of modern psychological forensics, however, are not the devices and methods themselves, their development, which undoubtedly enriches both forensic science and psychodiagnostics in

general, but that the results of research and practical developments in this area can be illegally expanded to other areas, including in the professor of hyper-securization, as well as in the fact that not always reliable and transparent conclusions of an expert and / or equipment created and used by people who consider themselves experts, equipment, including statistical methods implemented by digital devices, etc. ... can be used in a corrupt community, for their own purposes, against people. The emergence of a conflict of interest is all the more likely, the less substantiated and transparent the procedures, methods and algorithms for verification and profiling, and the more the country's law enforcement system is aimed at ignoring the needs of the community in favor of the interests of the bureaucratic monolith. And only then it is possible and nuno to solve the issues of improving programs and techniques of profiling and verification: today the existing approaches and devices give rather high reliability indicators, but not always.

Keywords: legal practice, forensic psychological examination, profiling, verification, polygraph, hyper-securization, corruption, conflict of interest

For citation: Khoteeva, R.I., Arpentieva, M. R. (2022). Forensic and Forensic Psychodiagnostics: Profiling, Verification and Use of the Polygraph. *Society and Security Insights*, 5(3), 118–137. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)3-08.

Введение

В рамках современных криминалистических и судебных исследований одними из наиболее актуальных являются проблемы научной методологии и политики практического применения экспертно-диагностических знаний о человеке, получаемых в процессе профайлинга, верификации экспертами, и используемых ими технологий, программ и устройств. Проблемы применения нетрадиционных методов исследования привлекают большое внимание как правоприменителей, так и теоретиков, а также медиков, психологов, биологов, программистов и представителей других наук (Iacono, 2008; Mathiesen, 1997; National Research Council, 2003; Palermo, Kocsis, 2005; Sellers, Arrigo, 2018; Vettor, Woodhams, Beech, 2013). Достигнутый в настоящее время уровень развития науки и техники имеет достаточный арсенал средств, приемов и методов для эффективного использования их в правоохранительной деятельности (Анфиногенов, 2003; Блэкборн, 2004; Гримак и др., 1999; Ищенко, 2003; Sellers, and Arrigo, 2018). Пока еще профайлинг и верификацию относят к нетрадиционным методам, но они становятся все более привычными. Понятие «нетрадиционные методы раскрытия преступлений» появилось в 80–90 гг. XX в. и вобрало в себя методы, связанные с прикладной психологией и психофизиологией человека. При этом мировая практика использования методов прикладной психологии насчитывает десятки лет (Енгальчев, Южанинова, 2007; Косарев, 2006; Пирожков, 2007). Ее основной задачей на сегодня является анализ достигнутых успехов и существующих провалов и неудач профилирования и верификации, дискуссия по поводу научных и политических оснований и следствий применения данных методов. История и современность профайлинга особенно тесно связаны с работой спецслужб и правоохранительных органов в разных странах. В настоящее время профилирование, в том числе верификация лжи инструментальными и неинструментальными методами, ши-

роко используется в различных социально-правовых сферах, в том числе в расследовании преступлений, в обеспечении безопасности пассажирских перевозок и транспортных объектов, в таможенных/пограничных службах, в других структурах, занимающихся обеспечением безопасности государств и межгосударственных отношений (Арпентьева, Макаренко, 2018; Gane, 2012; Hazelwood, and Burgess, 2016; Mathiesen, 1997; National Research Council, 2003).

В отечественной криминалистике вопросами разработки и применения нетрадиционных методов исследования занимаются многие исследователи (Р. С. Белкин, В. А. Образцов, Е. П. Ищенко, Л. Г. Бидонов, Н. Н. Китаев, Т. А. Седова, Л. Л. Каневский, Н. Г. Находкина, В. И. Гончаренко, И. В. Постика, М. В. Салтевский, Щ. Н. Т. Ведерников, В. Х. Меркурисов, Н. А. Родионов, В. В. Яровенко и др.), но в целом область довольно существенно отстает от зарубежных исследований и дискуссии носят более прагматичный характер (Алексеев, Потемкин, 2017; Анфиногенов, 2003; Арпентьева, 2018а; Арпентьева, 2018б; Кроз и др., 2001; Ратинов, 2001; Холодный, Подшибякин, 2002; Turvey, 2011). Соответственно профайлинговые и верификационные практики и технологии легче «расползаются» в области, не связанные с криминалистикой, особенно там, где есть забота о том, чтобы контролировать организационную и общую безопасность.

Основная часть исследования: профайлинг, верификация и полиграфические обследования

В процессе анализа современных возможностей и ограничений профайлинга и верификации зарубежные исследователи отмечают опасности его ненаучности и субъективности (при реализации экспертом-профайлером) и непрозрачности и недобросовестной эксплуатации (инструментальная и машинная диагностика и обработка данных) (Kocsis, Palermo, 2015; Palermo, Kocsis, 2005; Pinizzotto, 2005; Pinizzotto, & Finkel, 1990; Pozuесо, et al., 2015). По их мнению, профилирование и верификация открывают двери к «превентивному праву» при условии его недобросовестной эксплуатации правящими структурами (в процессе гиперсекьюритизации и запугивания населения), усиливающейся не только мощью экспертного и бюрократического сообществ, но и цифровыми и биологическими технологиями. В дискуссиях о праве развивается тезис о «докриминальном обществе» (Арпентьева, Макаренко, 2018; Sellers, and Arrigo, 2018), отмечается, что продуктивное психическое желание человека, его жизнеутверждающий посыл часто находятся в «клиническом плену» (деформаций его развития). Ультрасовременность населена кибер(транс)формами человеческих отношений и экономического обмена, которые питают гиперсекьюритизацию (страх потери безопасности, ведущий к попыткам ее сверхконтроля). Поддержка гиперсекьюритизации укрепляет «докриминальное общество», общество до преступления, а сопутствующие процессы и силы (т.е. реляционные потоки и флуктуации) этого желания представляют собой ценности посткриминологии. Посткриминологические признаки включают среди прочего «прогнозирующее полицейское управление», «картирование преступности» и «актуарную пенологию» (“predictive policing”, “crime mapping”, and “actuarial penology.”). Посткриминологические значения (ре)проду-

цируют ведущие к отношениям пленения «биоцифровые» и иные законы человеческих взаимосвязей. Среди прочего эти законы санкционируют невроз де-витализации (neurosis of de-vitalization) и удостоверяют психоз завершения (psychosis of finalization). Бесконтрольные избыточные нейтрализации де-витализации и завершений культивируют «клинический плен» (clinical captivity). Клинический плен — это социальная тревога, в которой взаимное сознание, интерсубъективность и взаимная власть ограничены в существовании (limited *in existence*) (редукция взаимосвязанности — reduction of inter-relatedness) или чье существование отрицается (denied *an existence*) (вытеснение взаимосвязанности — repression of inter-relatedness).

Возникающие отношения тотального электронного и т.д. «концлагеря» (ярким примером которого является современный Китай) являются олицетворением социальной «болезни», когда значения прогнозирования, профилактики и упреждения опасности (прежде всего для управляющего класса и в какой-то мере для тех, кем он управляет) имеют первостепенное значение, а производство ответственных граждан, осуществляемое путем обмана гиперсекьюритизации и подготовки тела к биоцифровому управлению, — это побочный продукт повседневно(со)существования людей в жутком и преступном мире (Arrigo, 2018; Arrigo, and Sellers, 2018; Arrigo, Sellers, Sostakas, 2020; Plato, 2018, p. 159).

Разные формы гиперсекьюритизации означают, что каждый становится потенциальным подозреваемым, подлежащим наблюдению и контролю (Sellers, and Arrigo, 2018). В цифровую эпоху — эпоху превентивной полицейской деятельности мы видим сходные изменения отношений и взаимодействия полиции и гражданина как подозреваемых, в результате чего цифровые технологии увековечивают взаимное недоверие между государством и гражданами (Arrigo, and Sellers, 2018; Roy et al., 2021).

Распространение алгоритмических инструментов оценки рисков на все этапы системы уголовного правосудия и иные сферы и группы государственных отраслей используется для определения показателей потенциального риска негативных последствий и классификации прогнозируемых рисков по уровням величины (например, низкий, умеренный или высокий риск), которыми необходимо управлять. Инструменты актуарной оценки риска используются для определения досудебного освобождения под залог, для информирования судей о необходимости предварительного заключения (определения того, что является риском для полета), для определения продолжительности приговора, для принятия решений об уровне безопасности во время содержания под стражей, для адаптации методов лечения и вмешательств во время содержания под стражей, а также для принятия решений об испытательном сроке и условно-досрочном освобождении в отношении уровней надзора и планов управления делами для возвращения (Arrigo, Sellers, Sostakas, 2020). Цель состоит в том, чтобы управлять угрозами, поддерживать соблюдение правительственных правил и определять приоритетность инициативы в области безопасности на основе наличия и уровня опасности. В результате повсеместное распространение оценки риска помо-

гает перестроить и переопределить процесс принятия новых решений почти во всех аспектах жизни. Здесь диагноз гиперсекьюритизации мира «постпаноптикума» (panopticism, post-panopticism) (Gane, 2012), поставленный исследователями, включает ее предкриминальную «знаковую оптику» и посткриминологические знакообменные ценности, напоминающие «аллегория пещеры» Платона (Plato, 2018): в пещере фрагменты реальности (например, частичные истины, неполные выражения справедливости и ограниченные формы добра) воспринимаются теми, кто обитает в этой пещере как подлинные и надежные проявления (совместного) существования. Взаимная слежка и доносительство — основные стены этого пост-паноптикума начиная с раннего детства — ювенальная юстиция, системы социального рейтинга в образовании и т. д. (Arrigo, Sellers, Sostakas, 2020; Marx, and Valerie, 2010). Объект желания гиперсекьюритизации состоит из «знаковой оптики» (паноптицизма, синоптицизма и баноптицизма). Понятие «знаковой оптики» восходит к интегративным представлениям М. Фуко о паноптике, Т. Матъезена о синоптике (Mathiesen, 1997) и Д. Биго о баноптических измерениях (Bigo, 2008) наблюдения и общества. Посткриминологические значения (ре)порождают порождающие плен биоцифровые «законы» человеческого родства. В этом потоке преобразований уже не так оптимистично смотрится модель «карантина» («локдауна») как попытки отказа от наказания за совершенное преступление (Caruso, 2020).

В отечественной науке данные вопросы затрагиваются мало, дискуссии о возможностях и ограничениях профайлинга и верификации менее красочны и остры (Ефимичев, Ефимичев, 2009; Левченко, 2004; Мочагин, 2013). Так, в зарубежной научной периодике можно встретить довольно многочисленные статьи, посвященные фальсификациям уголовных дел полицией и судами, обсуждению многочисленных судебных сражений по поводу допустимости и допуска участников инцидента/преступления как субъектов уголовного и судебного расследования к обследованию с помощью профайлинга и верификации. В России и странах СНГ «политическая корректность» побуждает исследователей «не отвлекаться» на последствия и возможности некорректного применения этих технологий, занимаясь непосредственно технологиями (Арпентьева, Макаренко, 2018; Arrigo, Sellers, Sostakas, 2020). В этом смысле российская наука и наука стран бывшего СССР все еще часто отстает от мировой. Ее дискурс, очевидно, поэтому отличен от критического и философски-ориентированного дискурса зарубежных исследователей. Последователи М. Фуко и других исследователей нарушений, связанных с отношением к «преступлениям и наказаниям», в России не столь многочисленны, и проблема остается малоосознаваемой, хотя и весьма важной (Арпентьева, Макаренко, 2018). В целом во всем мире коррупция подверглась нормализации на уровне, когда удивляет скорее ее отсутствие. И правозащитная система России, наряду с остальными системами, не может справиться с проблемой, поскольку также оказалась связанной с нею.

В целом же, как инструменты отстраненной, «внесистемной» оценки состояния подозреваемых и обвиняемых, потерпевших и свидетелей, полиграфологиче-

ская и иная верификации и профилирование обладают свойствами и возможностями раскрытия истинного положения дел. Но, как и во всех остальных случаях, почти любой инструмент может быть конструктивен, если есть желание и возможность использовать его конструктивно (Burgess Roberts, Regehr, 2009; Hart, Gresswell, Braham, 2011; Hickey, 2015). В иных случаях, к сожалению, самая лучшая практика и технология лишь усиливают конфликт интересов.

В нашей работе мы рассматриваем «идеальный» случай использования полиграфологической и профайлинг-экспертиз. Однако в практике немало ситуаций, когда целью экспертизы была другая экспертиза, сделанная более или менее добросовестно, с большей или меньшей заботой о справедливости, прозрачности, системности, достоверности и т. д.

Актуальность вопроса использования при расследовании преступлений специальных знаний в области психологии и психофизиологии личности давно является объектом пристального внимания специалистов, занимающихся повышением эффективности и оптимизации процессов расследования преступлений (Арпентьева, 2018в; Арпентьева, Макаренко, 2018; Turvey, 2011). Это обусловлено тем, что использование специальных знаний и умений в области психологии и психофизиологии личности и межличностных отношений является одним из способов систематизации и объективизации предварительного исследования/расследования, повышения его результативности за счет расширения и уточнения базы улик и доказательств по делу, оптимизации процессов извлечения/получения, переработки и хранения информации. Использование специальных психологических знаний и умений, нося вспомогательный, ориентирующий и/или доказательственный характер, позволяет повысить результативность становления и поддержания необходимого для успешного профилирования и следствия контакта с участниками следственных действий, значительно расширить практические возможности следователя в получении объективной информации, обнаружении и фиксации доказательств, способствует составлению плана расследования и выдвижению ведущей следственной версии, а следовательно, поможет в изобличении виновных, раскрытии преступления и привлечения их к уголовной ответственности (Васильев, 2009; Сафуанов, 1993; Gane, 2012). Специальные знания при расследовании преступлений и в уголовном или гражданском судопроизводстве могут использоваться как в процессуальных, так и в непроцессуальных формах (Васильев, 2009; Енгальчев, Южанинова, 2007). Процессуальные формы применения знаний и умений экспертов в области профайлинга и иных практик как «сведущих лиц» определяются УПК РФ и ГПК РФ в России и иными законами и стандартами — в каждой стране своими. Согласно российским кодексам лицо, обладающее специальными знаниями (в том числе в психологии), может выступать в качестве таких процессуальных фигур, как эксперт и специалист. Кроме того, в УПК РФ предусмотрена возможность и необходимость привлечения педагога или педагога-психолога к процедуре допроса в определенных случаях. Непроцессуальные формы сводятся к разнообразным видам справочно-консультативной деятельности психолога при взаимодействии со следственными или судебными органами.

Судебно-психологическая экспертиза — особый вид деятельности психолога, одна из главных форм практического применения специальных психологических знаний в уголовном или гражданском процессе. Экспертиза проводится по постановлению следователя, определению суда в отношении вменяемых подсудимых, свидетелей или потерпевших. Это назначаемое и осуществляемое с соблюдением определенных правовых норм исследование на основе применения специальных знаний в психологической науке с дачей заключения, которому закон придает значение источника доказательств — средства доказывания. Ф.С. Сафуанов определяет объект исследования эксперта-психолога как психическую деятельность подэкспертного лица в юридически значимых ситуациях, а предметом исследования выступают закономерности и особенности протекания и структуры психических процессов (психической деятельности), имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия (Исаева, Сафуанов, 2015; Сафуанов, 1993). С.С. Шипшин общим предметом психологической экспертизы отмечает исследование психической деятельности, особенности которой важны для установления истины в судебном делопроизводстве, где частными предметами могут быть: диагностика наличия или отсутствия у обвиняемого в момент совершения преступления состояния аффекта либо иного состояния, связанного с психической напряженностью, принципиальная способность свидетелей или потерпевших адекватно воспринимать важные для дела обстоятельства и давать о них правильные показания, возможность исполнения своих профессиональных обязанностей в экстремально-деятельностных условиях и т.п. (Енгальчев, Шипшин, 1997; Шипшин, 1997). Значение судебной экспертизы состоит в том, что она выступает в качестве эффективного средства установления обстоятельств дела, субъективной картины преступления и позволяет использовать в процессе расследования и судебного разбирательства весь арсенал современных научно-психологических средств и знаний о человеке (Burgess, Roberts, Regehr, 2009, 2012).

Расследование преступлений как деятельность по установлению события и состава преступления, изобличению виновных в его совершении лиц, принятию мер по возмещению причиненного преступлением ущерба, выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступления, — это сложный, комплексный, многоаспектный процесс, конечной целью которого является восстановление (реконструкция) прошлого события преступления как по материальным следам преступления, отображенным в осязаемых объектах, так и по идеальным следам, недоступным для непосредственного восприятия (Холодный, Орлов, 2013; Холопова, 2006). Данная цель достигается посредством собирания и исследования самых разнообразных фактов и анализа явлений окружающей действительности, на основании которых полностью восстанавливается прошлое событие, моделируются межличностные взаимоотношения и взаимосвязи различных лиц, прямо или косвенно участвующих в событии, познается личность субъекта, совершившего преступление, и его поведенческая криминальная активность (Арпентьева, Макаренко, 2018). Важным моментом данной дея-

тельности также является ее системность. И. Н. Якимов еще в 1920-е гг. отметил, что «...следствие не должно быть совокупностью случайно и бессистемно принятых процессуальных действий, а должно являть собой единое, логически стройное целое, в котором каждый последующий этап развития должен вытекать из предыдущего как логическое следствие его причины» (Якимов, 1929: 161).

В современной психологической диагностике в рамках правового поля, в судебной экспертизе, в профессиональной деятельности в рамках оперативно-разыскной деятельности, а также в системах безопасности внутригосударственных и межгосударственных структур особое место занимает профайлинг как комплекс мер диагностического «картирования» и осмысления обстоятельств преступления и угроз безопасности в разных по типу ситуациях: от «портретирования» и прогнозирования поведения криминальных лиц до восстановления картин массовых преступлений, от работы с террористами и серийными убийцами до профотбора и создания групп профессионалов, менеджеров высшего звена в высокотехнологичных корпорациях. Профайлинг — это прежде всего система социально-психологических методик диагностики личностных особенностей, скрываемых мотивов и оценки сообщаемой информации, основанных на оценке невербального, вербального и субвербального поведения объекта; прогнозирования сценариев развития ситуаций и отношений, поступков, моделей поведения и общения человека. Он включает технологии наблюдения и опроса людей с целью выявления потенциально опасных или говорящих неправду лиц, а также людей с определенными характеристиками, в том числе талантами и ценностями. Кроме того, профайлинг тесно пересекается, практически синонимичен многим процедурам и технологиям верификации, а также психофизиологической инструментальной диагностики личности и ее состояний, вербального и невербального поведения (Арпентьева, Макаренко, 2018).

«Профилирование правонарушителей» (offender profiling, криминальный профайлинг) — относительно новое понятие, которое первоначально использовалось в США в контексте оптимизации полицейских расследований (Gane, 2012; Hazelwood, and Burgess, 2016; Mathiesen, 1997; National Research Council, 2003 и др.). Данный тип профайлинга предполагает попытку вывести описание неизвестного преступника на основе оценки больших и малых деталей преступления, анализа ситуации преступления, места и времени, особенностей жертвы и других более или менее очевидных и доступных улик и свидетельств. Иногда вместо профайлинга используются и другие понятия, однако они описывают, по сути, одну и ту же совокупность процедур: психологическое профилирование, криминалистическое профилирование и профилирование личности. Федеральное бюро расследований США чаще использует термин «уголовное расследование» как понятие, позволяющее охватить весь ряд оперативных вспомогательных мероприятий, предполагаемых в рамках работы научной группы, занятой анализом поведения и иных характеристик преступника (Арпентьева, 2018а; Профайлинг и медиация, 2016; Vigo, 2008). В России используется понятие «психологический портрет неустановленного преступника», который, как указывает А.И. Анфиногенов,

включает не только психологическую информацию о виновном, но и сопряженные разыскные характеристики, такие, например, как половозрастные, морфологические, социально-демографические признаки, так как сами эти признаки выступают здесь предметом их выявления и оценки методами психологического анализа. Более того, в ряде случаев такие данные могут являться наиболее информативной частью психологического портрета, способной оказать реальную помощь практическим работникам органов внутренних дел (Анфиногенов, 2003; Bartol, & Bartol, 2017).

С точки зрения психологии труда профайлинг как особый вид деятельности психолога учит специалистов наблюдать и анализировать окружающую обстановку, поведение людей, искать специфические признаки и устанавливать причинно-следственные связи, нестандартно подходить к решению возникающих в работе проблем. Профайлеры не только описывают черты характера, особенности личности, поведения человека, стиль отношений в быту и на работе — они предсказывают следующие шаги и даже события, а когда классические алгоритмы работы не срабатывают, требуется индивидуальный подход, эмпатия и интеллект самого профайлера, его готовность и способность видеть «правду» человека, жизни, самого себя. В этом и заключается мастерство профайлера — в каждом конкретном случае понять и предвидеть действия непредсказуемого, «типологизировать» непредсказуемое и делать его понятным, демистифицировать (Hart, Gresswell, & Braham, 2011; Hickey, 2015). Для этого, в частности, в профайлинге необходимо применение простых, эффективных и дающих много важной информации методов психологии в их прикладном аспекте (Арпентьева, 2018a; Marx and Valerie, 2010), таких как, например, методики «холодного чтения»: диагностика в процессе непосредственного взаимодействия с «объектом» (Meehl, 1956).

В основу профилирования как компонента безопасности положено представление о нем как о процессе решения своеобразной «головоломки». Эта «головоломка» опирается на ряд моделей. П. Эйнсворт (Ainsworth, 2001) выделяет четыре основных модели профилирования правонарушителей: географическую (анализ времени и местоположения преступления, чтобы определить, где живет и работает и т.д. преступник), исследующую психологию (фокусируется на использовании психологических теорий анализа для определения характеристик правонарушителя, рассматривая представленное правонарушение как особое поведение и изучая стиль правонарушения), типологический профайлинг (рассматривает конкретные характеристики места преступления, чтобы затем классифицировать правонарушителя в соответствии с различными типичными характеристиками) и клиническую (данные и методы психиатрии и клинической психологии используются для определения того, страдает ли человек от психических заболеваний, различных психологических и психических аномалий) (geographical, investigative psychology, typological, and clinical profiling). Отдельным видом профайлинга возможно назвать прогностическое профилирование — прогнозирование того, когда и в какой последовательности преступник может совершить следующее преступление, как будет вести себя фигурант на предва-

рительном расследовании, кто из круга подозреваемых, скорее всего, совершит дополнительное преступление (Арпентьева, 2018б, 2018в).

Существует несколько подходов к профилированию, в том числе гомологический подход (offender homology), теория черт (trait-based) и интегративный подход, которые используются для того, чтобы предсказывать или реконструировать характеристики преступников и иных людей, выбирать и реализовывать методики коррекции и развития необходимых черт и т. д. Вероятностный характер профилирования и его близость повседневной диагностике непрофессионалов иллюстрируют феномены «холодного чтения». Попытка верификаторов-практиков свести профилирование к методикам и подходам феноменологии и «case analyses», игнорируя статистику и классические подходы, вызывает скептическое отношение традиционных исследователей.

Профилирование характеризуется широкой ориентацией: групп проблем и людей (групп), в отношении которых проводится психодиагностика, множественностью методов и парадигм диагностики и лежащих в их основе эпистемологических оснований. Оно обращено к выявлению различных проблем, компетенций, свойств, противоречий, к работе с самыми разными группами клиентов, что предполагает выход за пределы конкретных ситуаций индивидуальной жизнедеятельности и контакта с обследуемым, рассмотрение происходящего в максимально широком социальном контексте, а также теоретическое обоснование профилирования, его процесса и результатов. Выявляемые особенности локализованы на ценностно-ролевых, понятийно-смысловых и непосредственно интерактивных уровнях жизнедеятельности: в сфере отношений к себе, людям и миру, в сфере представлений о себе, людях и мире, их осмысления личностью, а также в сфере воздействия людей друг на друга, властно-преобразовательных отношениях. В наиболее «простом» случае речь идет о выявлении правды и лжи, ретроспективной оценке конфликтных межличностных ситуаций. В наиболее сложных — о перспекции (прогнозе) развития сложных ситуаций и больших социальных движений, сообществ и т. д.

Заключение

Вопросы применения нетрадиционных методов криминалистического исследования привлекают внимание как правоприменителей-практиков, так и теоретиков криминалистики и юриспруденции, а также многих специалистов смежных специальностей, в том числе медиков, психологов, биологов, программистов и представителей других наук. Понятие «нетрадиционные методы раскрытия преступлений» интегрировало методики и подходы прикладной психологии, психодиагностики и психофизиологии человека. Хотя мировая практика использования психологических и психофизиологических методов, подходов и технологий насчитывает более полувека, максимальную популярность данные методики и устройства, программы и технологии приобретают в настоящее время. Верификация и профайлинг — два наиболее интересных и тесно связанных друг с другом современных направления психологической криминалистики как

науки психологического исследования события преступления и его участников (по «идеальным» и материальным следам преступления). Они являются важными частями современной судебно-психологической экспертизы. Обе эти части реализуются в практике работы следователей/криминалистов и судей как с помощью неинструментальных (собственно экспертных), так и инструментальных (полиграф и т. п.) психологических методов и методик. Проблемами современной психологической криминалистики, однако, выступают не сами по себе устройства и методики, их разработка, которая, несомненно, обогащает и криминалистику и психодиагностику в целом. Проблематично то, что результаты исследований и практических разработок в этой сфере могут быть неправомерно расширены на другие области, в том числе в процессе гиперсекьюритизации, а также то, что не всегда достоверные и прозрачные выводы эксперта и/или оборудования, создаваемого и применяемого людьми, полагающими себя экспертами, оборудования, включая статистические методы, реализуемые цифровыми устройствами и т.д., могут быть использованы в коррумпированном сообществе, в собственных целях, против людей. Возникновение конфликта интересов тем вероятнее, чем менее обоснованы и прозрачны процедуры методики и алгоритмы верификации и профилирования и чем более правоохранительная система страны направлена на игнорирование потребностей сообщества в пользу интересов бюрократического монолита. И уже потом можно и нужно решать вопросы совершенствования программ и техник профилирования и верификации: на сегодняшний день существующие подходы и устройства дают достаточно высокие показатели достоверности, но далеко не всегда.

Важно отметить, что вне рамок процессуального статуса, а также в рамках оперативно-разыскных мероприятий специалист имеет возможность работать непосредственно с диагностикой лжи и обмана и использовать данный тезаурус в полном объеме. Практическая же деятельность специалиста, привлеченного в рамках предварительного расследования и в судопроизводстве, может охватывать круг диагностики признаков сокрытия, искажения и фальсификации информации. Судебный эксперт, в силу своего процессуального положения, не может оценивать достоверность доказательств, его задачами являются исследование механизма слеодообразования и содержание следов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Алексеев Л. Г., Потемкин Ф. В. Проблемы прикладной психофизиологии. М. : Буки Веди, 2017. 292 с.

Анфиногенов А. И. Методика установления признаков преступника, сопряженных с обстоятельствами происшествия. М. : Академия управления МВД России, 2003. 150 с.

Арпентьева М. Р. Метатехнологии неинструментального профайлинга // Реальная практика полиграфологов VI: Профайлинг и технологии детекции лжи в обеспечении кадровой безопасности организации : сборник материалов Международного научно-практического симпозиума. Екатеринбург : Уральский госу-

дарственный педагогический университет, 2018а. С. 10–30.

Арпентьева М. Р. Проблемы современного неинструментального профайлинга // Реальная практика полиграфологов VI: Профайлинг и технологии детекции лжи в обеспечении кадровой безопасности организации : сборник материалов Международного научно-практического симпозиума. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2018б. С. 31–60.

Арпентьева М. Р. Криминальный профайлинг: история и современность // Актуальные вопросы уголовного права и криминологии на современном этапе : ежегодный межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. Красноярск, Изд-во Сибирского юридического института МВД России, 2018в. 204 с.

Арпентьева М. Р., Макаренко И. А. Судебная и криминалистическая психологическая диагностика: методы профилирования, верификации и использования полиграфа. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2018. 260 с.

Блэкборн Р. Психология криминального поведения. СПб. : Питер, 2004. 496 с.

Васильев В. Л. Юридическая психология. СПб.: Питер, 2009. 608 с.

Гримак Л. П., Скрыпников А. И., Лаговский А. Ю., Зубрилова И. С. Методы прикладной психологии в раскрытии и расследовании преступлений. М., 1999. 173 с.

Енгальчев В. Ф., Южанинова А. Л. Некоторые особенности производства судебно-психологической экспертизы в гражданском судопроизводстве // Среднерусский вестник общественных наук: Межрегиональное научно-образовательное издание. 2007. № 2 (3). С. 36–39.

Енгальчев В. Ф., Шипшин С. С. Судебно-психологическая экспертиза : методическое руководство. Калуга : КГПИ им К.Э. Циолковского, 1997. С. 156–159.

Ефимичев С. П., Ефимичев П. С. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности. М. : Юстицинформ, 2009. 504 с.

Исаева И. В., Сафуанов Ф. С. Анализ решений верховных судов по аффективным преступлениям и проблемы судебной экспертизы // Российский судья. 2015. № 12. С. 37–40.

Ищенко Е. П. Криминалистика. М. : ИНФРА-М, 2003. С. 10–42

Косарев С. Ю. История и теория криминалистических методик расследования преступлений. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. 262 с.

Кроз М. В., Ратинова Н. А., Онищенко О. Р. Криминальное психологическое воздействие. М. : Юрлитинформ, 2008. 200 с.

Левченко О. В. Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и ее совершенствование. Дисс... д-ра юрид. наук. Астрахань : АГТУ, 2004. 418 с.

Мочагин П. В. Особенности лжи, обмана, неправды как отдельные критерии, формирующие идеальную криминалистическую следовую информацию, выявляемую в ходе полиграфных проверок // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2013. №4. С. 151–156.

Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М. : Ось-89, 2007. 704 с.

Профайлинг и медиация: сферы, ценности, технологии, обучение : Коллективная монография / отв. ред. М.Р. Арпентьева. Калуга : КГУ им. К.Э. Циолковского, Эйдос, 2016. 290 с.

Рагинов А. Р. Судебная психология для следователей : научно-практическое руководство. М. : Юрлитинформ, 2001. 352 с.

Сафуанов Ф. С. Использование психологических познаний при производстве новых видов судебно-психиатрической экспертизы // Новые виды судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе. Применительно к закону РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». М. : Изд-во Центра защиты прав и здоровья граждан, 1993. С. 87–99.

Холодный Ю. И., Подшибякин А. С. Криминалистическая полиграфология — новое направление в криминалистике, занимающееся исследованием «идеальных следов» // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Второй Всероссийский «круглый стол», 20–21.07.2002 : сборник материалов к 200-летию МВД России. Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России, 2002. 296 с.

Холодный Ю. И., Орлов Ю. К. Типовая методика производства психофизиологической экспертизы с применением полиграфа. М.: Академия следственного комитета РФ, 2013. 300 с.

Холопова Е. Н. Судебно-психологическая экспертиза как основная форма использования психологических знаний при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник криминалистики. 2006. Вып. 4 (20). С. 25–33.

Шипшин С. С. Ретроспективная диагностика психического состояния человека // Методы психологии: Материалы II Всерос. науч. конф. по психологии РПО. Ростов-на-Дону, 1997. С. 281–283.

Якимов И. Н. Криминалистика. Уголовная тактика. М. : Изд-во НКВД РСФСР, 1929. С. 161.

Ainsworth P. Offender profiling and crime analysis. Devon, UK: Willan: Willan Publishing 2001. 208 p.

Arrigo B. A., Sellers B. G. Psychological jurisprudence and the relational problems of de-vitalization and finalization: Rethinking the society of captives thesis. // Mental health in prisons: Critical perspectives on treatment and confinement / Eds. by A. Mills and K. Kendall, London: Palgrave MacMillan, 2018. Pp. 73–104.

Arrigo B. A. Managing risk and marginalizing identities: On the society-of-captives thesis and the harm of social disease // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology, 2018. Vol. 357 (6). P. 672–693.

Arrigo B. A., Sellers B. Sostakas J. Pre-crime, Post-criminology, and the Captivity of Ultramodern Desire // International Journal for the Semiotics of Law — Revue internationale de Sémiotique juridique, 2020. Vol. 33, pp. 497–514 <https://doi.org/10.1007/s11196-020-09719-4>

Bartol C. R., Bartol A. M. Criminal behavior: A Psychological Approach. New York: Pearson; 2017. 672p.

Bigo D. The field and the pan-opticon. // Terror, insecurity, and liberty: Illiberal practices

of liberal regimes after 9/11/ D. Bigo and A. Tsoukala (eds.). Abingdon, Oxon: Routledge. 2008. P. 10–49.

Burgess A. W., Roberts A. R., Regehr Ch. *Victimology: Theories and Applications*. New York: Jones & Bartlett Learning, 2009, 2012, 594 p. P. 103–109.

Caruso G. D. Justice without Retribution: An Epistemic Argument against Retributive Criminal Punishment // *Neuroethics*, 2020. Vol. 13, p. 13–28 <https://doi.org/10.1007/s12152-018-9357-8>

Copson G. *Coals to Newcastle: Part 1. A study of offender profiling*. London: Home Office, Police Research Group, 1995. 50 p.

Criminal Profiling. An introduction to behavioral evidence analysis / Turvey, Br. (Ed.). New York: Academic Press. 2011. 717 p.

Gane N. The governmentalities of neoliberalism: Panopticism, post-panopticism, and beyond // *The Sociological Review*, 2012. Vol. 60. P. 611–634.

Garrido V.J. *Perfiles criminales: Un recorrido por el lado oscuro del ser humano*. Barcelona: Ariel, Planeta Publishing, 2012/2015. 464 p.

Hart A. J. P., Gresswell D. M., Braham L. G. Formulation of serious violent offending using multiple sequential functional analysis / En P. Sturmey & M. McMurrin (Eds.), *Forensic case formulation*. Chichester, UK: Wiley, 2011. P. 129–152.

Hazelwood R. R., Burgess A. W. *Practical Aspects of rape investigation*. New York: CRC Press; 2016. 490 p.

Hickey E. W. *Serial murderers and their victims*. Belmont, CA: Wadsworth, 2015. 512 p.

Iacono W. G. Effective policing: Understanding how polygraph tests work and are used // *Criminal Justice and Behavior*. 2008. №35 (10). P.1295–1308.

Kocsis R. N., Palermo G. B. Disentangling Criminal Profiling: Accuracy, Homology, and the Myth of Trait-Based Profiling // *International Journal Offender Therapy and Comparative Criminology* 2015. Vol.59. No. 1. P. 313–332.

Marx G., Valerie St. From the beginning: Children as subjects and agents of surveillance // *Surveillance and Society*, 2010. Vol. 7 (3/4). P. 192–230.

Mathiesen Th. The viewer society: M. Foucault's 'panopticon' revisited // *Theoretical Criminology: An International Journal*, 1997. Vol. 1 (2). P. 215–234.

Meehl P. E. Wanted — a good cookbook // *American Psychologist*. 1956. № 11. P. 262–272.

National Research Council, Division of Behavioral and Social Sciences and Education. // *The polygraph and lie detection*. Washington, D.C: National Academies Press. 2003. 416 p. P. 4–5.

Palermo G. B., Kocsis R. N. *Offender Profiling* // *American Series in Behavioral Science and Law*. New York: Ch. C. Thomas, 2005. P. 145–146.

Pinizzotto A. J. Forensic psychology: Criminal personality profiling // *Journal of Police Science and Administration*, 1984. Vol. 12. P. 32–40.

Pinizzotto A. J., Finkel N. J. Criminal personality profiling // *Law and Human Behavior*.

1990. Vol. 14. P. 215–233.

Plato. *The Republic*. Trans. R. Waterfield. New York: Oxford University Press. 2018. 340 p.

Pozueco J. M., Moreno J. M., García-Baamonde M. E. Blázquez M. La perfilación psico-criminal y forense de los multicidas // *Psychological and criminological motives analysis of serial killers, mass murders, and spree killers*. 1st International Congress of Profiling & Criminal Behavior Analysis in Violent Crimes. Vol. Organizado por el Grupo de Estudios Avanzados en Investigación y Perfilación Criminal. Barcelona, Universitat de Barcelona, 2015. P. 1–27.

Roy S., Kundu S., Sarkar D., Giri C., Jana P. Community Detection and Design of Recommendation System Based on Criminal Incidents // *Proceedings of International Conference on Frontiers in Computing and Systems. Advances in Intelligent Systems and Computing / Bhattacharjee D., Kole D.K., Dey N., Basu S., Plewczynski D. (eds.)*. Singapore: Springer, 2021. Vol. 1255. P. 71-80. https://doi.org/10.1007/978-981-15-7834-2_7

Sellers B. G., and Arrigo B. A. Postmodern criminology and technocrime // *Technocrime and criminological theory / Eds. by K.F. Steinmetz and Matt R. Nobles*. Boca Raton: CRC Press., 2018. P. 133–146.

Vettor Sh., Woodhams J., Beech A. Offender profiling: A review and critique of the approaches and major assumption // *Journal of Current Issues in Crime, Law and Law Enforcement*. 2013. Vol. 6 (4). P. 353–387.

REFERENCES

Alekseev, L. G., Potemkin, F. V. (2017). *Problems of applied psychophysiology*. Moscow: Buki Vedi. (In Russ.).

Anfinogenov, A. I. (2003). *The method of establishing the characteristics of a criminal associated with the circumstances of the incident*. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii. (In Russ.).

Arpentieva, M. R. (2018a). Metatechnologies of non-instrumental profiling. In: *Real practice of polygraph examiners VI: Profiling and lie detection technologies in ensuring the personnel security of an organization: collection of materials of the International Scientific and Practical Symposium* (pp. 10–30). Yekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. (In Russ.).

Arpentieva, M. R. (2018b). Problems of modern non-instrumental profiling. In: *Real practice of polygraph examiners VI: Profiling and lie detection technologies in ensuring the personnel security of an organization: a collection of materials of the International Scientific and Practical Symposium*. (pp. 31–60). Yekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. (In Russ.).

Arpentieva, M. R. (2018v). Criminal profiling: history and modernity. In: C. M. Malkov (Ed.). *Actual problems of criminal law and criminology at the present stage. Annual inter-university collection of scientific papers. Issue 1*. Krasnoyarsk: Izd-vo Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. (In Russ.).

Arpentieva, M. R., & Makarenko, I. A. (2018). *Forensic and forensic psychological diag-*

nostics: methods of profiling, verification and use of the polygraph. Kaluga: KGU im. K. E. Ciolkovskogo. (In Russ.).

Blackbourne, R. (2004). *Psychology of criminal behavior*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).

Vasilyev, V. L. (2009). *Legal psychology*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).

Grimak, L. P., Skrypnikov, A. I., Lagovskiy, A. Yu., & Zubrilova, I. S. (1999). *Methods of applied psychology in the detection and investigation of crimes*. Moscow. (In Russ.).

Engalychev, V. F., & Yuzhaninova A. L. (2007). Some features of the forensic psychological examination in civil proceedings. *Srednerussky Vestnik Social Sciences: Interregional Scientific and Educational Edition*, 2(3), 36–39. (In Russ.).

Engalychev, V. F., & Shipshin, S. S. (1997). *Forensic psychological examination. Methodical guidance* (pp. 156–159). Kaluga: KGPI im. K. E. Ciolkovskogo. (In Russ.).

Efimichev, S. P., & Efimichev, P. S. (2009). *Investigation of crimes: theory, practice, ensuring the rights of the individual*. Moscow: Yusticinform. (In Russ.).

Isaeva, I. V., & Safuanov, F. S. (2015). An analysis of the decisions of the Supreme Courts on affective crimes and the problems of forensic examination. *The Russian Judge*, 12, 37–40. (In Russ.).

Ishchenko, E. P. (2003). *Forensic science*. (pp. 10–42). Moscow: INFRA-M. (In Russ.).

Kosarev, S. Yu. (2006). *History and theory of criminalistic methods of investigating crimes*. St. Petersburg: Yuridicheskij centr Press. (In Russ.).

Kroz, M. V., Ratinova, N. A., & Onischenko, O. R. (2008). *Criminal psychological impact*. Moscow: Yurlitinform. (In Russ.).

Levchenko, O. V. (2004). *The system of means of cognitive activity in proving in criminal cases and its improvement* [Doctoral thesis, The Astrakhan State Technical University]. Astrakhan: AGTU. (In Russ.).

Mochagin, P. V. (2013). Features of lies, deceit, untruth as separate criteria that form the ideal forensic trace information, revealed during polygraph checks. *Bulletin of the Udmurt University. Series Economics and Law*, 4, 151–156. (In Russ.).

Pirozhkov, V. F. (2007). *Criminal psychology*. Moscow: Os'-89. (In Russ.).

Arpentieva M. R. (ed.). (2016). *Profiling and mediation: spheres, values, technologies, training. Collective monograph*. Kaluga: KGU im. K. E. Ciolkovskogo, Ejdos. (In Russ.).

Ratinov, A. R. (2001). *Forensic psychology for investigators. Scientific and practical guidance*. Moscow: Yurlitinform. (In Russ.).

Safuanov, F. S. (1993). Use of psychological knowledge in the production of new types of forensic psychiatric examination. In: *New types of forensic psychiatric examination in the civil process. Applied to the law of the Russian Federation "On psychiatric care and guarantees of the rights of citizens in its provision"* (pp. 87–99). Moscow: Izd-vo Centra zashchity prav i zdorov'ya grazhdan. (In Russ.).

Kholodnyi, Yu. I., & Podshibyakin, A. S. (2002). Criminalistic polygraphy—a new trend in forensic science dealing with the study of “ideal traces”. *Forensic science: topical issues of theory and practice. The second All-Russian “round table”, 20–21.07.2002. Collection*

of materials for the 200th anniversary of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Rostov-on-Don: RYuI MVD Rossii. (In Russ.).

Kholodnyi, Y. I., & Orlov, Yu. K. (2013). *Typical methodology for the production of psychophysiological expertise with the use of polygraph.* Moscow: Akademiya sledstvennogo komiteta RF. (In Russ.).

Kholopova, E. N. (2006). Forensic Psychological Examination as the Basic Form of Using Psychological Knowledge when investigation of crimes. *Bulletin of Criminalistics*, 4(20), 25–33. (In Russ.).

Shipshin, S. S. (1997). Retrospective diagnosis of a person's mental state. In: *Methods of Psychology: Materials II Vseros. sci. Conf. on psychology of RPO* (pp. 281–283). Rostov-on-Don. (In Russ.).

Yakimov, I. N. (1929). *Forensic science. Criminal tactics.* Moscow: Izd-vo NKVD RSFSR. (In Russ.).

Ainsworth, P. (2001). *Offender profiling and crime analysis.* Devon, UK: Willan: Willan Publishing.

Arrigo, B. A., & Sellers, B. G. (2018). Psychological jurisprudence and the relational problems of de-vitalization and finalization: Rethinking the society of captive's thesis. In: A. Mills and K. Kendall (eds.). *Mental health in prisons: Critical perspectives on treatment and confinement* (pp. 73–104). London: Palgrave MacMillan.

Arrigo, B. A. (2018). Managing risk and marginalizing identities: On the society-of-captives thesis and the harm of social dis-ease. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 357(6), 672–693.

Arrigo, B. A., Sellers, B. & Sostakas, J. (2020). Pre-crime, Post-criminology, and the Captivity of Ultramodern Desire. *International Journal for the Semiotics of Law — Revue internationale de Sémiotique juridique*, 33, 497–514. <https://doi.org/10.1007/s11196-020-09719-4>.

Bartol, C. R., & Bartol, A. M. (2017). *Criminal behavior: A Psychological Approach.* New York: Pearson.

Bigo, D. (2008). The field and the pan-opticon. In: D. Bigo, & A. Tsoukala (eds.). *Terror, insecurity, and liberty: Illiberal practices of liberal regimes after 9/11*, Abingdon, Oxon: Routledge.

Burgess, A. W., Roberts, A. R., & Regehr, Ch. (2009, 2012). *Victimology: Theories and Applications*, New York: Jones & Bartlett Learning.

Caruso, G. D. (2020). Justice without Retribution: An Epistemic Argument against Retributive Criminal Punishment. *Neuroethics*, 13, 13–28. <https://doi.org/10.1007/s12152-018-9357-8>.

Copson, G. (1995). *Coals to Newcastle: Part 1. A study of offender profiling.* London: Home Office, Police Research Group.

Turvey, Br. (Ed.). (2011). *Criminal Profiling. An introduction to behavioral evidence analysis.* New York: Academic Press.

Gane, N. (2012). The governmentalities of neoliberalism: Panopticism, post-panopti-

cism, and beyond. *The Sociological Review*, 60, 611–634.

Garrido, V.J. *Perfiles criminales: Un recorrido por el lado oscuro del ser humano*. Barcelona: Ariel, Planeta Publishing, 2012/2015. 464 p.

Hart, A. J. P., Gresswell, D. M., & Braham, L. G. (2011). Formulation of serious violent offending using multiple sequential functional analysis. In: P. Sturmey & M. McMurrin (Eds.) *Forensic case formulation* (pp. 129–152). Chichester, UK: Wiley.

Hazelwood, R. R., & Burgess, A. W. (2016) *Practical Aspects of rape investigation*. New York: CRC Press.

Hickey, E. W. (2015). *Serial murderers and their victims*. Belmont, CA: Wadsworth.

Iacono, W. G. (2008). Effective policing: Understanding how polygraph tests work and are used". *Criminal Justice and Behavior*, 35(10), 1295–1308.

Kocsis, R. N., & Palermo, G. B. (2015). Disentangling Criminal Profiling: Accuracy, Homology, and the Myth of Trait-Based Profiling. *International Journal Offender Therapy and Comparative Criminology*, 59(1), 313–332.

Marx, G., & Valerie St. (2010). From the beginning: Children as subjects and agents of surveillance. *Surveillance and Society*, 7(3/4), 192–230.

Mathiesen, Th. (1997). The viewer society: Michel Foucault's 'panopticon' revisited. *Theoretical Criminology: An International Journal*, 1(2), 215–234.

Meehl, P. E. (1956). Wanted — a good cookbook. *American Psychologist*, 11, 262–272.

National Research Council, Division of Behavioral and Social Sciences and Education. (2003). *The polygraph and lie detection*. Washington, D.C: National Academies Press. 2003. 416 p. P. 4–5.

Palermo, G. B., Kocsis, R. N. (2005). *Offender Profiling*. American Series in Behavioral Science and Law. New York: Ch. C. Thomas.

Pinizzotto, A. J. (1984). Forensic psychology: Criminal personality profiling. *Journal of Police Science and Administration*, 12, 32–40.

Pinizzotto, A. J., & Finkel, N. J. (1990). Criminal personality profiling. *Law and Human Behavior*, 14, 215–233.

Plato (2018). *The Republic*. New York: Oxford University Press.

Pozueco, J. M., Moreno, J. M., García-Baamonde, M. E., & Blázquez, M. (2015). La perfilación psico-criminal y forense de los multicitadas. Psycho criminal and forensic profiling of multicitada. In: *Psychological and criminological motives analysis of serial killers, mass murders, and spree killers. 1st International Congress of Profiling & Criminal Behavior Analysis in Violent Crimes*. Vol.: *Organizado por el Grupo de Estudios Avanzados en Investigación y Perfilación Criminal* (pp. 1–27). Barcelona, Universitat de Barcelona.

Roy, S., Kundu, S., Sarkar, D., Giri, C., Jana, P. (2021). Community Detection and Design of Recommendation System Based on Criminal Incidents. In: Bhattacharjee, D., Kole, D. K., Dey, N., Basu, S., Plewczynski, D. (eds.). *Proceedings of International Conference on Frontiers in Computing and Systems. Advances in Intelligent Systems and Computing*. Singapore: Springer. Vol. 1255 (pp. 71–80). https://doi.org/10.1007/978-981-15-7834-2_7

Sellers, B.G., & Arrigo, B.A. (2018). Postmodern criminology and technocrime. In: K.F. Steinmetz and Matt R. Nobles (eds.). *Technocrime and criminological theory* (pp. 113–146). Boca Raton: CRC Press.

Vettor, Sh., Woodhams, J., Beech, A. (2013). Offender profiling: A review and critique of the approaches and major assumption. *Journal of Current Issues in Crime, Law and Law Enforcement*, 6(4), 353–387.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мариям Равильевна Арпентьева — д-р психол. наук, доцент, академик Международной академии образования, свободный исследователь, эксперт-психолог, ООО «Экспертное бюро судебной психофизиологии и поведенческого анализа», г. Калуга, Россия.

Mariam R. Arpentieva — Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History, Academician of the International Academy of Education, free researcher, expert psychologist, LLC “Expert Bureau of Forensic Psychophysiology and Behavioral Analysis”, Kaluga, Russia.

Раиса Ивановна Хотеева — канд. психол. наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Институт психологии, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия.

Raisa I. Khoteeva — Cand. Sci. (Psychology), Associate professor at the Department of General and Social Psychology, K.E. Tsiolkovskiy Kaluga State University, Kaluga, Russia.

Статья поступила в редакцию 28.07.2022;
одобрена после рецензирования 15.08.2022;
принята к публикации 21.08.2022.

The article was submitted 28.07.2022;
approved after reviewing 15.08.2022;
accepted for publication 21.08.2022.